

В семь вечера по местному времени, когда темень с тридцатиградусным морозом уже подступали к окнам, жестяная банка, подвешенная над входом, звякнула об металлическую окантовку дверного проёма и в помещение грациозно нырнула стройная и подтянутая блондинка двадцати четырёх лет, буквально закутанная в красно-белую вязаную шапку с пушистым помпоном, большой пёстрый шарф, обёрнутый вокруг атласной шеи, синюю лыжную куртку-пуховик, скрывающую упругую грудь второго размера и аппетитный плоский животик, термостойкие облегающие штаны, одетые наголо, и зимние походные ботинки.

Румянец заливал щёки. Про таких говорят «беглянка из пригорода», имея ввиду часто весёлый характер, минимум макияжа при сохранении общей привлекательности, отсутствие выпендрёжа в любой форме и скромность, что порой сродни умилительному стеснению.

Из-за высокого роста девушки в 178 сантиметров и веса в 54 килограмма на ней всё это смотрелось довольно органично, даже красиво, хоть ей самой важней было удобство, а не внешний вид. Отнюдь ведь не ради показа мод она решила отправиться в места столь далёкие, что до ближайшего относительно крупного города было не меньше двадцати-тридцати миль. С маленьких плеч на лямках свисал тяжёлый рюкзак, содержащий необходимый запас питья, еды, одежды, походных инструментов и карту с компасом.

Оказавшись, наконец, в тепле, обжёгшим её замёрзшие бёдра, девушка расстегнула молнию куртки, поставила у входа рюкзак и потопала по коврику, сбивая с ботинок налипший снег. Затем она осмотрелась. Внутри гостиница была похожа на себя же внешнюю: те же старые дубовые панели и невзрачность отделки, то же ощущение общей ветхости. Тусклая лампа не добавляла живости. Несколько автоматов с газировкой и едой стояли справа у стены. Деревянная лестница — наверняка скрипучая, подумалось девушке, — начинавшаяся слева, ввела на второй этаж. Прямо перед ней длинная закрытая стойка, похожая на стойку какого-нибудь бара, отделяла помещение первого этажа от администраторской, где жил владелец заведения. Закреплённый под потолком, тихо шипел плохо работающий телевизор. Звонок на стойке стоял в стороне, у крутящейся подставки с просроченными флаерами, приглашавшими на ежегодный фолк-карнавал, но звонить не было надобности — владелец никогда не отлучался надолго.

— Здравствуйте. — поприветствовал он. — Чем я могу вам помочь в «Смелом охотнике»?

— Здравствуйте, я хотела бы снять номер в вашей гостинице. — сказала она. Голос был довольно мягким, девичьим, однако в нём чувствовалось некоторое упорство. — Можно любой, хоть бы и самый дешёвый.

— Так, понял вас мисс, сейчас; — низкорослый администратор, поправляя постоянно сползающие очки, спешно закопошился под стойкой на проходной, выискивая верный бланк и стараясь не удариться о полку своей заметной проплешиной. — Вы завтра отбываете?

— Простите? — не поняла девушка.

— Я хотел сказать, вы ведь ждёте пока освободиться упряжь? — не отрываясь от заполнения бланка, показал он на здание, стоящее по другую сторону улицы, заметаемой обильным снегопадом.

— Ах, да; — девушка обернулась вслед за указывающим жестом, словно желая убедиться, что перевалочное отделение на месте, — у меня тур зарезервирован на компанию.

Друзья просто остановились в номере-вигваме, здесь, не далеко от поворота к вашему мотелю — до безумия любят экзотику, ничего с ними не поделаться.

— Понимаю, понимаю. Туристы не часто, но всё же порой бывают в наших краях. — покачал седой головой Администратор. — Кстати, как вам у самых «Ворот Арктики»? Чудо, а не заповедник, верно, не то, что людный Фэрбэнкс?

— Ваши края и правда жуть как изумительны. Аляска есть Аляска. Видела нечто подобное разве что во время рабочей поездки по Канаде. — кивнула девушка, снимая наконец шапку и встряхивая роскошную русую косу, хвостиком доходившую ей аж до копчика. — В Фэрбэнксе, кстати, я уже тоже была.

— Юкон Квест? — старчески улыбнулся администратор, заговорчески глянув исподлобья.

— Вы снова угадали. — хохотнула в ответ девушка. — Только в прошлом году в гонках на собачьих упряжках призового места занять не удалось.

— Ну, на Юкон Квест даже просто дойти до финиша и то большое дело. — видно было, что старик и сам в молодости до гонок имел недюжинный азарт. — Так, ну ладно; Вот и всё, ваш бланк готов. Сумма за ночь указана вот тут. — ткнул он пальцем. — Осталось только поставить роспись здесь и здесь. Можете взять мою ручку мисс;

— Мисс Элла. — девушка быстро расписалась. Из-за дрожи рук получилось несколько криво, впрочем, старик не настаивал на абсолютной чёткости. — Вот моя кредитная карта.

— Хорошо. — кассовый аппарат моментально пикнул, считав номер. — Так, всё в порядке. Комната; 16. Она ваша, мисс Элла. — протянул администратор ключ. — Вам по лестнице на второй этаж, а там четвёртая комната справа по коридору. В номере кровать, тумбочка и зеркало. Туалет и душ на первом этаже около тамбура котельной. — махнул он в сторону помещения за пищевыми автоматами.

— Благодарю вас. — засмеялась Элла. — Вы спасли меня от холода и перспективы провести ночь в неудобном вигваме.

— Пустяки. Добрых вам снов и удачи вам в вашем смелом предприятии, мисс Элла. О, и ещё: у хребта Брукса на целую следующую неделю обещают мощный снежный циклон с температурой ниже двадцати пяти по цельсию. Будьте осторожнее и грамотней подбирайте пса в упряжку. — посоветовал администратор напоследок. — Я забронирую этот номер к вашему возвращению из похода, если за это время не будет внезапного наплыва других посетителей.

Элла — или Элли, как её звали друзья — услышала его совет и присказку, впрочем, уже скрылась из виду на втором этаже, а потому прокричать ответ не решилась. Ей хотелось поскорее укутаться в одеяло и в сладкой дремоте слушать вой метели, набирающей за окном силу, что не оставила от утоптаных дорожек и малого напоминания об их существовании. От усталости с дороги заснула она почти сразу, едва скинула одежду и распаковала на завтра рюкзак со сменной одеждой.

Наутро она вставала легко, сперва сладко потягиваясь в постели при пробуждении, а затем, не торопясь, приводя себя в порядок у комнатного зеркала. За окном всё так же не утихал буран, но было видно, что он пока лишь набирал силу. После душа, Элла вернулась в комнату и некоторое время собиралась. Проверив сменный комплект, она надела на себя толстый белый вязаный свитер, доходивший до колен, сверху куртку с меховым капюшоном, те самые термостойкие штаны, но на сей раз с подштанниками, шапку, ботинки, шарф и не продуваемые перчатки. Телефон не содержал новых сообщений, разве что относительно

недавнего напутствия от членов семьи, периодически напоминавших о своём беспокойстве за неё. Друзей же, о которых Элла рассказывала вчера старику, конечно с ней не было. Не было и молодого человека, парня — в городке Гленвуде, что располагался в лесной зоне северного Портленда, она жила одна. Акт осторожности, так, на всякий случай, чтобы никто не увязался следом.

Покидая гостиницу в приподнятом расположении духа, она оставила администратору номер телефона для связи и, благодарно попрощавшись, сразу отправилась в загоны выбирать себе пса. На улице, как и обещал прогноз погоды, было холодно, но явно теплее, чем вчера. В придачу шёл снег, а значит, за начальный этап пути можно было не беспокоиться. Она надеялась добраться до зоны Норд-Чейз к исходу дня.

Быстро разобравшись с формальной стороной дела, Элла оперативно подготовила ездовую, погрузив на сани оборудование, и направилась ко второму блоку. Из-за небольшого веса Эллы даже одна собака северной породы легко бы справилась с нагрузкой, а уж аляскинский маламут и подавно. Одного такого она и присмотрела, прохаживаясь с приставленным кинологом, постоянно о чём-то рассказывающим, вдоль закрытых вольеров.

Серо-чёрно-белый кобель средней крупности — а это на минуточку 59 сантиметров роста — с пушистым хвостом и игривым взглядом серых глаз держался относительно спокойно и, как заявил кинолог, мог похвастаться недюжинной силой. Такой и волков бы не испугался, подумала Элла, смеряя его стать.

Окно клетки приоткрыли, и пёс тут же запрыгнул к нему, встав на задние лапы. Агрессии вблизи не проявлял, напротив, являл собой сплошное дружелюбие. При поглажке, сопровождавшейся одобрителем урчанием пса, рука Эллы не просто погружалась в его шерсть как у лаек, нет, это был настоящий мех, да ещё и с ворсом, характерным пожалуй что для выдры — настолько он был плотный. Ко всему прочему, от пса сильно разлило естественным мускусом, похожим на крайне едкий запах пота. Особенно выделялся он от живота: волоски шерсти там местами слиплись. Как и из пасти, от них шёл тёплый пар. В здании было довольно жарко, псам не терпелось на воздух. Приветливая морда украшалась широко разинутой пастью с коей на пол постоянно капала слюна — Элла не понимала, откуда у него такой её запас. Впрочем, это её не смутило. На его кожаном ошейнике красовалась надпись: «Гольми». Хорошее имя, отметила Элла. Кинолог уверил девушку, что пёс положительно её воспринял, да она, впрочем, и сама видела. Бедняга весь извёлся, сидя взаперти.

Когда его выпускали, он тепло «поздоровался» с первой компаньонкой: наскочил едва не прыжком, прижав девушку к стене, закинул большие меховые лапицы ей на плечи и успел чуть лизнуть в щёку, когда девушка, смешливо взвизгнув, отвернулась, закрыв глаза. Элла, когда эффект неожиданности миновал, звонко засмеялась, аж осев под его весом, и попутно встрепала псу загривок. Слюна была не менее пахучей, чем брюхо пса, и в придачу крайне липкой, почти как чуть густое масло или скорее жир. Элла, как могла, вытерла перчаткой большую часть, но вынуждена была размазать её остатки по щеке, так как окончательно оттереть не удалось (а может её донимал лишь сам запах, лезущий буквально в ноздри). Теперь эту щёку холодило сильнее. Бывалый кинолог изо всех сил тянул поводок, но, даже при своём немалом весе, оттащил пса с заметным трудом.

— Вы там с ним поаккуратнее — напутствовал уже упряжки уставший провожатый, стараясь перекрыть вьюгу, — не ослабляйте крепления упряжки на санях ни в коем случае, а то вам с

ним не совладать! Сами видали. Утащит попросту, ему ничего не стоит. Что туристы не приедут, а как-то его всё не выбирали, поэтому он до людей и зверья всякого страшно любопытный. Будет виться вокруг вас и чуть ли не плясать, если волю дадите, или примется зайцев искать.

— Не волнуйтесь, у меня есть опыт общения с непослушными псами.

— Может быть, но не с такими. Это маламут. Он в несколько раз сильнее и выносливее любой собаки, с которой вам доводилось иметь дело на Юкон Квест и других гонках Аляски.

Поберегите себя.

— Я что-нибудь придумаю, если что. — сказала на это Элла, надеясь скорее отвязаться от надоевшего компаньона. — Нам можно уже отправляться?

Маламут, запряжённый в классические ездовые сани и заметаемый снегом, заскулил от нетерпения, виляя хвостом.

— Документы вы сдали, карту маршрута сдали, со снаряжением порядок и контракт полный, так что да, можете ехать. Помните, у вас на всё про всё три дня, не больше. С пятнадцатого по утро восемнадцатого числа крайний срок.

— Не волнуйтесь, верну вам вашего Грея в сохранности.

— Тогда доброй дороги, мисс Элла! — помахал кинолог вслед тронувшимся саням. — Удачно добраться до Бруксы!

Остаток дня и ночь с утром дня следующего прошли нормально, пускай погодные условия таковыми назвать язык не поворачивался. Ветер совсем разбушевался, и ощутимо сквозило даже в дремучем лесу. Тридцатиградусный мороз сохранял власть на всём протяжении пути. С полуночи Элла устроила привал, но полноценное укрытие делать всё же не стала, ограничилась спальным мешком, благо он был утеплённым, тремя пенками, одна из которых в итоге досталась скулившему Гольми, и костром. Мохнатый спутник лёг у ног, свернувшись калачиком. Пёс Гольми и Элла пока привыкали друг к другу, так сказать пообтёрлись за это время — к утру пёс уже стал откликаться на пару базовых команд, вроде «сидеть», «лежать» и «фу». Несмотря на это, он всё время норовил лизнуть руку или боднуть Эллу своей головой о ногу, чем вызывал у девушки искренний смех. Чуть позже, когда пёс разошёлся в игре, он даже слегка, чуть ощутимо прикусил её за бедро, однако тут же получил по ушам.

Пока всё шло по плану, Элла не особенно беспокоилась из-за возможных угроз. В данное время года волчьи стаи уходили много восточнее и не встречались. Медведи, вероятно, большей частью обитались севернее. Впрочем, беспокоиться всё же стоило, хоть и по другой причине. Настоящие проблемы начались днём, после того как упряжка пересекла замёрзшее озеро и вплотную приблизилась к западному склону горы Брукса.

— Ну и как нам перейти?! — негодовала Элла, разглядывая карту.

Широкий — не менее десяти-двенадцати метров — поток нисходил по склону от самой горы, перегораживая путь на ту сторону. Толи пробило ручей, толи что ещё — ей было сейчас не важно. Остатки моста, если он вообще когда-то здесь был, снесло ниже по течению.

Пёс, усевшись, обернулся и вопросительно посмотрел на девушку.

— Придётся рубить деревья. — пожав плечами, ответила ему Элла, доставая из рюкзака топорик.

Она читала, что некоторые путешественники так многократно делали, когда не могли пройти нормальным образом. Нужно было лишь срубить два дерева и, подталкивая их в нужном направлении, уложить поперёк водной преграды.

В конце концов, не без труда, дело было сделано. Два дерева, как и требовалось, обструганными от веток стволами образовали импровизированный мост. Самым сложным было затащить поверх сани и заставить Гольви тащить их, идя по одному дереву, в то время как Элла толкала их с другого.

— Тише, пёсик! — приговаривала она, и голос немного дрожал. —

Осторожнее! — переступила она через очередной сук. — Осторожнее! Тише, тише! Вот так!

Буквально на середине — чего его так дёрнуло? — Гольви, рывкнув на кого-то, ни с того ни с сего припустил по бревну.

— Гольви!

Это всё что успела выкрикнуть ему вслед Элла, перед тем как потеряла равновесие. Она зашаталась на бревне, пытаясь за что-то ухватиться.

— Мамочки!

Она сорвалась. И хоть падать было невысоко — всего несколько метров — раздался громкий всплеск. Эллу, вмиг и полностью промокшую, понесло течением, а девушка только и пыталась что зачерпнуть воздуха, то уходя под воду, то снова всплывая. В какой-то момент её ударило о камни на перекате, и Элла потеряла сознание.

Очнулась она от того, что кто-то тыкался её шею и фырчал над ухом. Первой её мыслью было: «Отвязался!». Значит упряжка со всем необходимым была брошена где-то в лесу. Когда именно она пришла в себя сказать ей самой было тяжело, но она сориентировалась по общей освещённости — вечерело, а Солнце скрылось за горами. Ещё часа два и будет совсем темно. Сделав над собой усилие, она поднялась сначала на четвереньки, а затем и полностью распрямилась, облачиваясь и поддерживаясь о крепкую спину Гольви. Шерсть у него была сухая, а значит, выбросило её на нужной стороне потока. Хотелось дать ему хорошего пинка, но сил банально не хватило бы и на такое просто действие. В голове шумело, а в глазах всё плыло. Не было ясно, сильно ли Эллу хватило о камни, но серьёзной боли девушка не чувствовала, тело только немного постанывало при движении. Нужно было как можно скорее найти упряжку, развести костёр, сделать укрытие и пёс в решении первой задачи, как ни странно, очень помог. Вырвавшись из-под руки, он, чуть не опрокинув девушку, помчался куда-то в лес.

— Эй! — окрикнула Элла. — Г-гольви, т-ты к-к-куда?

Он остановился вдруг, ожидая пока она дойдёт. Идти, к слову, было не легко: Элла проваливалась в сугробы почти по пояс, ветер пробирал до озноба, зубы трещёткой стучали друг о друга, посиневшие губы свело от холода, вся без исключения одежда, впитав влагу, утяжеляла каждый шаг. Лёгким досталось воды. Она всерьёз и не без оснований опасалась обморожения органов или, как минимум, сильного гриппа. Выглядела девушка в таком состоянии жалостливо, отчаянно и вместе с тем невероятно умилительно — хотелось крепко обнять её и успокоить.

Когда Элла наконец-то дошла до него, то увидела полозья от саней.

— М-м-молодец, Гольви. — потрепала она пса за уши. — В-в-веди!

Девушка и собака пошли по тропке от упряжки и через минут двадцать вышли к поваленному деревцу на ровной, почти не занесённой снегом полянке у чёрной расколотой скалы, образовавшей небольшую нишу. Это старое дерево упало аккурат в трещину скалы над самой нишей, и Элла сразу поняла, что лучшего укрытия на сегодняшнюю ночь ей не найти.

Упряжка саней, вместе с не оторвавшимся, но полностью мокрым рюкзаком, — и когда пёс успел окунуть его в воду? — стояла рядом, но, и девушка заметила, крепление ремней было целым. «Вывернулся» — подумалось ей. Гольви тем временем примостился у саней и, выкатив наружу свой длинный язык, видимо ждал дальнейших команд.

— Ночуем здесь. — указала Элла. — Сторожить.

Не мешкая более, она скинула верхнюю одежду с шапкой, постоянно хлопающие как термостойкие штаны, и, вновь вооружившись топориком, принялась сшибать ветки в ближайшем ельнике. Натаскав к скале нужное количество, она стала сооружать укрытый шалаш. Дело в том, что скала вблизи оказалась довольно низкой, а потому обкладывать ветвями упавшее дерево было легко, оно как бы послужило естественным коньком крыши. Работа спорилась, а вскоре вовсе была закончена — стены из ельника вышли довольно плотные и ветер не продувал конструкцию. Идеально. Решив дополнительно утеплить место ночёвки, Элла взяла лопату и подкидала под основание «стен» побольше снега, навалив вокруг шалаша добрую полосу сугроба. Вход сделала совсем маленьким и низким — человек или, скажем, собака могли пролезть только ползком. Далее — конечно же костёр.

— Ну давай же! — почти умоляла она, чиркая мокрой спичкой. — Загорайся! — Ну! — Элла осторожно подлила сверху горючей жидкости и сыроватые полешки, нарубленные ею с опавших веток, тут же вспыхнули. — Есть! — победно крикнула девушка. — Получилось!

Теперь одежда — следовало просушить её. Тут помогла связка верёвок и два прутка. Она позаботилась и о подстиле, положив спальник поближе к огню. Просох он только наружной частью, внутри было всё так же до омерзения сыро.

— Лучше чем ничего. — с грустью резюмировала Элла.

Но лечь на него в таком виде она не могла, нужно было избавиться от всей промокшей одежды, что ещё оставалась на ней. В шалаше уже было относительно уютно и тепло, поэтому она решилась: стянула с себя сначала штанишки, подштанники, затем свитер и майку, перчатки. Тело заохлоло, оно покрылось мурашками. Отойдя в сторону, Элла выжала от воды косу волос, но распускать не стала — заплести одной такую косу было довольно не просто, а сил ни на что уже не осталось. Следом она улеглась дрожащим калачиком поверх закрытого спальника, поближе к костру, и изредка переворачивалась с бока на бок.

Элла промучилась целый час, но заснуть не смогла, а лишь проворочалась в оранжевом полумраке, источаемым огнём. Без подобия одеяла она вообще спать нормально не могла, это шло ещё с детства, когда мама укладывала её в кроватку. Привычка, и пусть не такая, чтобы из самых вредных, но сейчас мешала. Да и температура в ночь совсем понизилась; не смотря на утеплённые стенки шалаша и маленький вход было всё ещё прохладно, особенно когда Элла пробовала вытянуться — ноги, до сих пор, как казалось, не высохшие после мокрой одежды, сразу мёрзли. Холодок касался и всех остальных частей её тела: атлетичный животик произвольно сокращался, соски вздымаемой груди твердели, растираемые ею бёдра покрывались мурашками, а руки, то обнимающие плечи, то защемляемые этими самыми бёдрами, постоянно дрожали. Увеличение площади костра помогло лишь отчасти, так как запас дров не являлся бесконечным, а идти за новыми Элла ни за что бы не отважилась, тем более в подобную темноту.

Внезапно в шалаш медленно стал протискиваться Гольви, отряхиваясь и задевая о ветки шкурой. Элла, сперва вздрогнув, — мало ли какой зверь бродит кругом? — не стала возражать

против компании в холодную ночь посреди дремучей чащобы, хотя это показалось ей несколько странным. Маламуты ведь обычно предпочитают спать зарывшись поплотнее в снег, подобно лайкам, но этот судя по всему был исключением, а возможно и месяцы в вольере сказывались на его характере. Его интерес к людям стал очевиден Элле ещё когда он на вчерашних остановках тёрся о ноги и поскуливал, выманивая ласки с кормом. Сейчас же Гольви постоянно что-то вынюхивал, прохаживаясь туда-сюда около входа, который, к слову, начало заваливать хлопьями снега. Теперь внутри шалаша были двое и от частого их дыхания немного потеплело. Язык пса опять вывалился наружу, из пасти шёл пар. Наконец, прекратив движения, он, широко зевнув, уселся у костра. За следующие полчаса Гольви погрелся, высушил шерсть, вновь запотевшую на брюхе, и обильно почесался, где удалось достать. Следом, сев прямо напротив Эллы, пёс отклонился, задрал правую заднюю ногу, и принялся тщательно вылизывать свои довольно большие гладкие яйца, вскоре заблестевшие двумя серыми овалами. Девушка была вынуждена наблюдать весь процесс, потому как только что перевернулась с другого бока. Сперва, решившись, прикрикнула «Фу!», конечно, но Гольви не послушал команды, а продолжать крики у неё не было желания. Между задними лапами пса, как собственно и вокруг его яиц с вытянутым мешочком, шерстка была совсем короткая, считай что отсутствовала. Видимо в загонах собак периодически стригли таким образом, чтобы у тех не завелись вши, где не надо. Это объясняло, почему несчастная собака в конце концов не стерпела столь жуткий холод и пошла погреться — Элле стало его немного жаль. Через какое-то время, когда Элла под треск костра и шорканье языка о яйца уже задрёмывала, псу наскучило занятие и он, словно что-то учуяв, тихонько, огибая шалаш полукругом, подошёл к нагой девушке незамеченным.

Элла теперь лежала на левом боку, вытянув ноги и положив обе ладони себе под голову. Костёр совсем немножко поугас, но тепло всё ещё доходило до женского покрасневшего тела, тем более, что она заранее пододвинулась ближе. Порой девушка вздрагивала — её начало немного морозить, был риск начаться температуре. Повертевшись в ногах, пёс стал её осторожно обнюхивать, а закончив, как бы невзначай коснулся своим слюнявым языком стопы. И ещё раз; И ещё;

Длинная широкая полоска розовой плоти, плотно прилегая, разглаживала её кожу.

— Ммм; — открыла Элла глаза, вздрогнула испуганно от чего-то тёплого и очень влажного, что обволакивало стопу, забегая выше на голень, но не пошевелилась. — Гольви? — приподняла она голову. — Ты чего это делаешь?

Гольви не ощутил в голосе и теле угрозы или сопротивления, а потому продолжал водить языком по стопе и выше по голенищу: сначала по одной ноге, потом и по другой. Элла поджала ноги в коленях под самую грудь и шикнула на него, махнув рукой.

Пёс видимо был не в настроении или что-то просто взбрело ему в голову, и он легонько, едва слышимо рыкнув, прикусил Эллу за левую стопу, принуждая девушку к повиновению.

— Ай, Гольви! — вымученно сжалась она. — Фу!

Но пёс упрямо продолжал сжимать в пасти стопу девушки, теперь вдобавок ставшую абсолютно скользкой из-за натёкшей слюны. Постояв немного, он потянул её в свою сторону. Вдруг поняв, что пёс хочет сказать, Элла распрямилась как до того, легла, как ни в чём не бывало, заложив руки под голову, а сама, вздохнув, подумала, что у пса, наверное, есть какая-то причина так себя вести. В любом случае он уже один раз прикусил её, а значит, решиться, если что, прикусить и второй раз — нужно попытаться расслабиться и изобразить

отстранённость, безразличность к нему, тогда он точно успокоится. Так девушка и сделала, пытаясь представить, будто Гольви рядом вообще нет. Да только он не унимался.

Плавно язык пса, оставляя за собой склизкий, но довольно тёплый шлейф пахучей слюны, перебрался выше. Ему стало неудобно вытягивать голову, и Гольви прошёл подальше, встав так, что теперь полностью нависал над ногами Эллы, часто задышавшей от такого поворота событий, но боящейся что-либо резкое в отношении пса предпринять, тем более, что он был единственным ездовым псом в её упряжке. Пёс же вскоре стал толкать влажным носом правую ногу, что пока лежала поверх левой, и, хоть Элла не сразу сдалась, но слюнявому обожателю удалось-таки отвести её немного в сторону. Теперь он неторопливо и крайне тщательно охаживал её бёдра, — дрожащие толи от жарких облизываний, толи от сознания беспомощной уязвимости, невозможности остановить процесс, — касаясь их внутренней стороны, которой пёс уделял особое внимание. Вскоре ноги девушки вновь совершенно намокли, но этого псу было, видимо, мало.

Почувствовав, что пёс подбирается всё ближе к влагилицу, Элла вновь свела ноги и крепко их сжала, хоть бёдра от свежей слюны, стекающей по ним, и заскользили друг о друга, так что едва снова не разъехались. Для неё все это было так дико, что и представить нельзя. Элла попросту растерялась и испугалась, однако продолжала придерживаться старого плана за неимением лучшего. Пёс не отреагировал на эту дерзость как раньше, а только повёл носом, сделал несколько шагов вперёд, зажимая девушку с двух сторон своими меховыми лапами, и, вывернув башку, стал нежно, но с нажимом вылизывать ей живот, преимущественно задерживаясь на небольшой впадинке пупка.

Элла проронила несколько стонов, не сопротивляясь и не пытаясь оттолкнуть большую голову животного. Живот вскорости совершенно обмяк под ласками и согрелся. Ноги, от бёдер до кончиков пальцев, прошиб жгучий нервный импульс, от которого они тоже стали более податливы, расслабились, порозовели. Пёс, вычищая буквально каждый микрон пупка, прохаживался языком и по бокам в районе таза, изредка поворачивая морду повыше к рёбрам и даже выше. Когда его язык порой забирался в ложбинку правой подмышки, Элла несколько раз пискнула, быстро задышав. Вскоре девушка почти вся намокла, но не только от его слюны, а ещё и от собственного пота, проступившего преимущественно на спине, шее и висках — Элла не заметила, когда вход полностью занесло. Становилось всё жарче.

Гольви в какой-то момент убрал голову от её живота, сделал два коротких шага вперёд, и, толкая Эллу мордой в район солнечного сплетения, заставил девушку перевернуться на спину, вытянув руки вдоль тела. Он подался назад, наступая лапами прямо около её лобка, так, чтобы Элла развела сомкнутые ноги врозь. Для придания ей большей уверенности Гольви отрывисто прорычал, глядя Элле прямо в недоумевающие от происходящего глаза. Нехотя, она всё же из опасений уступила ему. Пёс, одобрительно фырча и капая слюной, сразу протиснулся вперёд и, положив обе большущие лапы девушке на плечи, так, что его локти упёрлись в подстил и, таким образом, зафиксировали её руки, целиком лёг сверху, накрепко придавив её к земле.

С приятных взору женских уст сорвался вздох — попытка зачерпнуть воздуха. Элле было тяжело выдерживать его вес, однако вскоре тело приспособилось к нагрузке, и она стала даже приятна в каком-то смысле. Груды, сбившись кучнее между лапами, целиком примялись, зарывшись в густой мех, и оказались в долгожданном тепле. Ноги, вынужденно обхватившие не менее пушистый таз пса слева и справа, так же теперь не мёрзли. Её спина

выпрямилась. Пахучее брюхо пса, будто растёкшись, облегло контуры её живота. Она чувствовала, как Гольви дышит, давя ей на живот, а потому старалась дышать в такт, хоть в области груди с этим всё было намного сложнее. Слипшаяся шерсть теперь ещё и смешалась с его слюной. Элла чувствовала себя очень грязной, невымытой, диковатой. Большущая довольная морда, тем временем, нависла прямо перед её лицом, но мощные лапы своим нажимом распрямили лопатки Эллы как на каком-нибудь массаже, так что грудь поднялась ещё немного выше, а голова запрокинулась, сохраняя расслабленное положение в позвонках шеи.

Так они какое-то время и лежали.

Ветер между тем завывал в выси, и непроглядная ночь сгустилась тогда в лесу. Это ощущалось буквально в воздухе. А ещё ощущалось нечто первобытное, то лесное, что было по-своему естественно для природы. В самом шалаше, таящем тепло, но остававшемся невидимым для зверья или людей, освещение от костра стало напоминать затухающую настольную лампу. Царила атмосфера почти домашнего уюта, тогда как вне сей гавани бушевали морозы и снег валил всё больше и больше, засыпая конструкцию по самое бревно импровизированного конька крыши.

Элла попробовала пошевелить руками — бесполезно. Лапы надёжно их фиксировали, грея с боков. Пёс вдруг стал елозить брюхом по её животу, подбираясь задними ногами ближе и пропитывая девушку своим запахом. В этот момент она почувствовала, как пёс наклонил морду ближе. Из пасти разило, но — и Элла про себя отметила данную странность, — не так резко как раньше, впрочем, это всё ещё был его мускус. Терпкий мускус самца, что обволакивал её тело. К тому же, совсем недавно пёс вылизывал языком свои яйца, без сомнения столь же ароматные. От подобной брезгливой мысли девушка чуть-чуть отстранилась, как смогла. Дальнейшее показало: напрасно.

Псу было намного удобнее вертеть головой, лёжа сверху, и он лизнул девушку в губы. Волна возмущения захлестнула Эллу. Губы её раскрылись, из горла вылетел выдох, всё тело рефлекторно дёрнуло вперёд. Гольви воспользовался моментом и вовремя лизнул второй раз, обмочив своей слюной сухое нёбо и пройдясь языком по зубам. Элла, зажмурившись, едва не закашлялась, попытавшись сплюнуть его слюни, но не смогла этого сделать из-за неудобного положения и в итоге была вынуждена их сглотнуть. Унизительней и быть не могло, впрочем, помимо пса её грела мысль о том, что об этом никто не узнает.

Гольви, не теряя времени и не унывая, принялся за нежную шейку. Подумав хорошенько, он затем решил почистить девушке ушки, показавшиеся ему неухоженными. Пёс начисто их вылизал, естественно напуская уйму слюней и намочив Элле косу, а потом, иногда игриво покусывая за мочки, принялся полировать результат круговыми движениями.

— А? — не отдавая себе отчёт, сквозь уже сладостный стон проговорила Элла. — Что?!

Пёс стал напирать сильнее, толкая свои задние лапы вперёд, переминался, вихляя хвостом. Элле было уже довольно больно от покалывания когтей, и она приподнялась, чтобы он мог запустить их ей под попу. Когда он, пододвинувшись, наконец примостился, успокоившись, девушка, опустившись на мягкие подушечки, почувствовала, как едва шерстяной мешочек пса, шоркая и о лобок, трётся о раскрывшиеся лепестки бритой киски, щекоча их волосками. Это её испугало, но сделать было ничего нельзя — пёс недвусмысленно рыкнул над самым ухом, продолжив лизаться, где только язык доставал. Она этого не видела, но из мешочка от такого ритмичного ёрзанья брюхом о её живот, скоро показался красный член. Около

двадцати сантиметров и четыре сантиметра в диаметре, жилистый, с острой головкой — член был солидных размеров. Пёс не старался попасть в заветную цель, нет, это случилось случайно, как закономерность.

— А-а-ахх! — вскрикнула Элла, следом получив дополнительную порцию слюны в рот. — Что ты? Ахх!

Головка вошла, и теперь Гольви почувствовал, как всё удачно сложилось. Пёсик потихоньку начал сношать её киску.

Это на первый взгляд простое, уменьшительно-ласкательное сравнение пробудило в ней бурю дремавших эмоций. Элла раньше и подумать не могла, что такое возможно. Нет, разные мысли о сексе приходили ей в голову, но с псом — нет уж! И вот теперь, она занимается любовью с псом. Да, именно любовью: то как он охаживал её, то как метил своим мускусом и потом, то как лизал лицо и губы с ртом, то как нежно он всё делал — всё говорило о привязанности, симпатии, а не только желаний оттрахать. В придачу

Элла вспомнила, что у Гольви ещё не было вязки с сучкой — так говорил кинолог. Ей стало немного его жалко, но одновременно и спокойнее за своё мироощущение. В конце концов, она помогает животному в его потребностях, и даже лучше, чем какие-нибудь зоозащитники. Секса ведь и собакам иногда хочется, а кроме людей никого поблизости нет.

— Значит я у тебя первая? Ахх! — невольно сказала она вслух, а следом губы вновь повстречались со склизким другом.

Пёс, решив зафиксировать результат, не вздёрнулся, не вскочил и не сменил темпа, плавно набирая тот по нарастающей, но всё же сношая Эллу как можно бережнее. Гольви всё шоркал брюхом, а член погружался в разгорячившуюся пещерку Эллы, отвечавшую ему обильными соковыделениями и произвольными сокращениями стенок. Ей стало жарко, горячий воздух облепил лёгкие. Грудь от толчков и трения о волосатую грудь покраснелась и заволоснилась, точно как и ноги. Атлетичный животик девушки, предварительно размягчённый языком пса, немножко вспучился, охотно принимая в себя дорогого красного гостя, дотягивавшего уже до шейки самой матки. Член плавно ходил туда-сюда, и вскоре узкое лоно Эллы, подстроившееся под него, облегалo половой орган пса как медицинская перчатка палец, ощущая весь его объём. Лепестки также провожали член на протяжении всего движения, не сминаясь, чем вызывали у девушки дополнительные фрикции. Элла начала открыто стонать, ещё больше выгибаясь на лопатках. Вскоре у неё случился первый оргазм, а сразу за ним и второй. Гольви, тем не менее, ласкать языком её не прекращал, чем, к собственному удивлению девушки, стал доставлять особое удовольствие — ей неосознанно понравилась роль суки, хотя она и продолжала убеждать себя в том, что это, вообще-то, для порядочной женщины мерзко.

Через двадцать или двадцать пять минут пёс стал замедляться, снова полностью ложась на неё и придавливая всем весом. Член его был дослан до упора, под самый мешочек, который даже чуть-чуть залез в вагину. Внутри девушки раздулся узел. Стонущие от сока стенки влагалища Эллы с трудом вместили его, намертво обхватив. Пёс совсем прекратил двигаться. Элла, как и любая пёсья сука, инстинктивно открыла рот от ощущения в себе узла, закатив глаза, выгнулась на лопатках и заёрзала. Гольви же быстро прикусил её за нежную облюбованную шею. Тщательно, но осторожно, так чтобы уложить девушку, а не поранить. Элла жалобно проскулила. Меховые лапы довершили дело, ещё сильнее сжав её руки и сдавив плечи — Элла полностью легла на место, успокаиваясь, и только тогда Гольви убрал

зубы, следом тщательно зализывая места на шее, коих они коснулись.

Так они лежали ещё минуты две. Элла сконцентрировалась на ощущениях. Как только она это сделала, через секунды две-три член пса, сократившись несколько раз, стал последовательно извергать сперму прямо девушке в матку, быстро ту заполнив и расширяя её внутренние стенки до предела. Элла всё чувствовала — теперь и внутри стало тепло. Стало прямо так, как будто так ей и надо было. С точки зрения девушки и женщины она чувствовала себя прекрасно, член пса замечательно её дополнял. Жидкая-жидкая и очень горячая субстанция заволокла вождедеющее отверстие — семени пса было так много, что ранее атлетичный животик ещё больше разгладился и раздулся, выпячившись вперёд. Девушка, от этого ощущения подрастягивающейся на животе кожицы опять тихонько застонала. Элла не знала, что человеческая женщина не может забеременеть от собаки, а потому заранее в мыслях приготовилась к тому, что животик скоро и вовсе станет округлым и в нём затолкаются несколько крупных щенят. Опасения по данному поводу были напрасными, но роящиеся вокруг этого мысли подталкивали Эллу к очередному, самому мощному оргазму, какой ей когда-либо доводило испытывать. Когда узел уменьшился и член пса, вылезая, последний раз проскользил внутри, она его получила. Крик разрезал ночную тишину старого леса, что тут же его развеял. Затем Гольви резво встал, лизнул её ещё несколько раз в живот, и пошёл моститься напротив, свернувшись кольцом.

В глазах её взорвались звёзды, она всё не могла отдышаться, даже перевернувшись на бок. Возможно, именно из-за такого положения тела пёсью спермы, поверх подсохшей слюны смазавшей бёдра, из девушки вытекло не так уж и много — большая часть прямо сейчас усваивалась внутри.

Столь необычный, по настоящему животный секс тонизировал тело Эллы как ничто другое, а одновременно и снял всякий стресс, добавил чувство полного удовлетворения, расслабил нервы, залечил назревавшую болезнь и девушка, не вставая подкинув побольше дров в костёр, прикорнула, вскоре сладко заснув.

Ей снились умиротворяющие сны.

Полно она осознала вес случившегося только наутро, проснувшись в невероятно замечательном состоянии отдохнувшего тела и духа. Пёс уже вышел и ждал у упряжки, метя хвостом снеговые вихры. Вскоре предстоял долгий путь домой, который, разбредив в Элле мысли о произошедшем, привёл в последствии к значительным изменениям в её отношении к собственной сексуальной сфере и сексу вообще. С тех пор на любых псов она смотрела с каким-то, как отмечали её подруги, особенным вниманием и пристрастием следопыта, напавшего на верный след.

Впрочем, дела того времени это совсем другая история.